

*Люди выжили не потому,
что у них есть мозг,
а потому, что они всеядны.*
Нассим Талеб

Передвижная творческая лаборатория

Гастрономия — это наука, которую следует уважать. Возводить связь между приемом пищи и культурой на ступень научного знания — вот призвание гастронома. Моя скромная роль литератора не должна этому ни в коем случае помешать. Я пишу не о законах гастрономии и свершениях законодателей вкуса, а о гастрономическом пути, который каждый из нас прокладывает пусть и сам, но по тем же маршрутам, что и другие.

Опыт литературного натюрморта

Это мог быть путеводитель по заведениям кулинаров и кухням гурманов. Возможно, автор примется когда-нибудь за составление подобного путеводителя-гида. Все зависит от потребности в таком произведении. У окружающих пока такой потребности нет, потому автор не является гидом. У автора есть

гастрономический путь, продиктованный, простите за каламбур и множественные тавтологии, потребностью есть. Кухни поменяют хозяев, рестораны разорятся, продукты исчезнут с полок магазинов, блюдам придумают новые названия, но останется суть.

Критический анализ продуктов питания

Гастрономический путь есть у каждого, но не все его осознают. Точнее, не все осознают первостепенность данного пути. Ведь с самого рождения и до самой смерти мы едим. Более того, прием пищи, наравне с дыханием и утолением жажды, — основа жизни. Но! Остановившись в своем пути на разных блюдах и напитках, человек просто запоминает одни, влюбляется в другие и ненавидит всем сердцем третьи. Наши память и чувства очень редко имеют отношение к дыханию и питанию (можно забыть, как дышать, и не любить пить воду, но это исключения). Другое дело — пища.

Даже самые равнодушные к культуре обыватели имеют культурную привычку есть и пить культурно. То есть то, что сварено, обжарено, запечено, засолено, высушено, перегнано, разбавлено, отстояно, порезано, замешано, взбито и разлито, употребляется посредством тарелок, кружек, вилок, ложек, ножей, палочек, пиалочек и прочих штук. Привычка Культура — вторая натура. Всё, что создано человеком, — культурно. В наше время все люди культурно разобщены. Социологи говорят об атомизированном обществе, членов которого мало что друг с другом связывает. Но! Среди этого малого есть место великому состоянию сытости. Да уберезет наш народ от голода история прошлых времен.

Гастрономическое путешествие пройдет по лесостепной зоне. Мы остановимся в разных уголках отдельно взятой Оренбургской области: Оренбург, Сакмара, Орск, Бузулук, Соль-Илецк, Новосергиевка.

Запретные продукты Евросоюза

В лето две тысячи пятнадцатое от Рождества Христова в Яицком Посаде близ губернского торгово-развлекательного центра нещадно сминали «санкционный» сыр. Отличался он от «российского» много чем, но уничтожали-запрещали его (то есть делали непригодным для культурного употребления) только по причине его зарубежного и недружественного происхождения. Отчего оно было недружественным, известно, может быть, политологам, социологам, историкам, экономистам и психологам. Опустим это и вспомним Хармса:

*Открыв наук зеленый том,
я долго плакал, а потом
его закрыл и бросил в реку.
Науки вредны человеку.
Науки втянут нас в беду —
возьмемтесь лучше за еду.*

Вначале была пицца духовная. В то лето мы с Юрием вспоминали Белинского и Гоголя, а точнее — запрещенное письмо одного другому. Я настаивал на том, что государственная машина обязательно должна запретить письмо, но уже по-настоящему, с внесением в реестр экстремистских материалов и преследованием тех, кто посмеет его процитировать. По моей мысли, в Год литературы, объявленный в России, не может быть лучше пропаганды этой самой литературы, нежели подобный запрет. Да, сладок плод. Это показал запрет ввоза и реализации ряда продуктов из Евросоюза. Тысячи тысячи криков огласили дискурсивную пустоту отечественной гастрономии. Казалось бы, что для моего соотечественника польское яблоко, венгерский гусь, норвежская рыба, немецкая колбаса и прочее? Но не проводник я оскорбленным чувствам его, сам найдешь, а то и вспомнишь, читатель, то массовое огорчение, без которого немислимо мало-мальски успешное импортозамещение.

И взялись мы за еду! Из лукошка российского глубокомыслия мы взяли воспоминания Писарева о Белинском. Из запасов Юрия, что стали в некотором смысле опасными, на нас полилось венгерское крепленое, рейнское полусладкое, словацкое чрезвычайно сладкое и, конечно, густое болгарское полусухое и просто сухое, а заедалось (нет-нет, не закусывалось!) это все тирольским сырком и пахучей вкусной ветчинкой, лишь полагаемой хамоном (чур меня, чур). А потом с нами были Некрасов, Чернышевский, Короленко, Горький и русская литература в целом. Пока еще не советская: «До водки, чай, не дойдем до конца лета».

Соленый соль-илецкий арбуз

*Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу,
то чем сделаешь ее соленою?*

*Она уже ни к чему негодна, как разве
выбросить ее вон на поправление людям.*

Мф. 5:13-16

Историю Артема мне поведал Миша Мамонт. У Миши демократичный ломбард, самый настоящий комиссионный магазин. Ассортимент магазина широк и необычен. Среди товаров, оставляемых в залог, встречаются: тюбик зубной пасты, мешок картошки, юбилейные часы МВД, коллекция почтовых марок Варшавского блока и, конечно, золотые изделия, телефоны, планшеты, ноутбуки и т.п. Долгое время витрину украшали две банки соленого арбуза.

В тот день Артем умирал. Он алкал, но денег старому и больному человеку никто не одалживал. Артема, когда он был маленьким, крестила бабушка. Совсем недавно матушка подарила ему огромный серебряный крест на серебряной цепочке: чтобы Бог хранил, чтобы материно сердце рядом было. И вот теперь Артем решил заложить и крест, и цепочку в ломбард Миши. Даже не заложить, а продать. Мать потом бы выкупила крест с цепочкой, как, бывало, выкупала заложенные Артемом радиоприемник и портфель, но Артем твердо решил именно продать подарок матери и даже подвел логико-эти-

ческое основание для этого поступка: «Что этот кусок серебра для звездного неба, в которое тошно смотреть мне без поллитровки? Пустота». Артему шел шестой десяток, и что-то он да понимал.

Снял с себя крест и пошел в ломбард. Пока шел, думал, что ответить матери, когда та заметит пропажу. Скажет ей, что потерял, что сняли хулигансы, но не поверит же она ему. Опять ругаться со старухой придется, а то и драться — скандал, полиция. И жить ведь негде. Жена — не мать, у дочери внуки. Надел крест обратно.

А мать ведь может простить. Второй раз снял с себя крест, сжал крепко в кулак и уже почти зашел в ломбард. Но простит ли Бог? Здесь у Артема были приготовлены аргументы, начиная со школьной программы: Бога якобы нет, и наказывать Артема некому. А вдруг есть? Горчичное зерно веры разверзло глыбу неверия. Вновь надел крест и поцеловал.

А ведь Бог простит! Третий раз Артем снял с себя крест и в сердцах возопил: «Прости и сохрани, Госпа-ади!» Не доходя до ломбарда пяти шагов, он увидел на своем пути пятисотрублевую купюру...

Историю эту Миша услышал от Артема, когда тот покупал банку соленого арбуза на закуску. Я тоже решил купить этот лесостепной деликатес. Ничего относительно вкусовых характеристик сказать не могу, так как мне попался неудачный посол — сладок был тот арбуз. «Соль не солоня. Соль-Илецк — не Соль-Илецк. Чистота мира утрачена, Завет расторгнут».

Орский пирожок с ливером

Юля привезла из Орска в Оренбург настроение. Но когда я спросил ее про орский пирожок, то удивлению ее не было предела. «Пирожок с ливером! У вас в Орске ему еще памятник поставили». Бедная Юля меня не поняла. «Памятник» «пирожку» «в» «Орске»... Ее трудно назвать орчанкой. Настоящие орчане могут говорить о своих пирожках часами. Так я и узнал про орский пирожок, именуемый также ливерпульчиком.

Искать новый бренд оренбургской земли начали давно, но только в последние годы поиски увенчались успехом. «Оренбургский пуховый платок» — старо. «Сердце Евразии» — натянуто. «Пугачев» — неблагоразумно. В последние годы развивается гастрономия, поэтому было решено подобрать съедобный бренд. Животу прикажешь, еще как! Каравай, плов, лагман, бахчевые, мед, семечки... Остановились на орских старгородских пирожках с ливером. Все лето я наткнулся на известия об орских пирожках. Уже после установки памятника в газетах и журналах стали выходить статьи, посвященные пирожку. Пирожок — писали и говорили — уже в Оренбурге! В социальных сетях гурманы делились своими впечатлениями. Кто-то пробовал «тот самый старгородский» еще в восьмидесятых, и, разумеется, ни в какие сравнения... Кто-то говорил о достойной замене «проклятым гамбургерам».

Мне сравнивать было не с чем. Перед знакомством с пирожком я спросил о нем свою единственную знакомую из Орска, но она оказалась далеко не орчанкой. Казалось бы, зачем мне чье-то мнение о

Памятник старогородскому пирожку

в Орске

Фото: vedmed1969

продукте, когда я вот-вот с ним познакомлюсь непосредственно? Такую осторожность поймут только те, кто хорошо понимает суть орско-оренбургских коллизий, что могут развернуться даже в животе.

Здесь стоит подробнее рассказать о скандале, разразившемся накануне открытия памятника в Орске. Местное гастрономическое сообщество в лице двух человек — Виктора Юрина-Орловского, обладателя прижизненного издания книги рецептов Елены Молоховец, и его визави Германа Васинченко, главы греко-лютеранской общины города, — разругалось в пух и прах. Вот что писал в «Орском летописце» Юрин-Орловский:

«Роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», как известно, экранизировали в Новотроицке и Орске. Во время съемок Станислав Говорухин решил посетить столовую металлургического комбината. Первым делом мэтр съел, есте-

ственно, наш пирожок. Станислав Сергеевич, как только попробовал его, так сразу и заключил, что лучшей закуски для рабочего человека еще не придумано, да и будет так впредь ввиду ничтожности российских либералов и реформаторов. В этом пирожке, говорил Станислав Сергеевич, и Россия, которую мы потеряли, и Советский Союз, который мы порушили, и вся славная история нашего Отечества».

И надо же было именно в это время Васинченко написать в своем блоге, что рецепт пирожка в наши края попал из Нижней Саксонии вместе с колонистами-меннонитами:

«Карл-Фридрих-Вильгельм Бауэр построил первую в наших краях мельницу, жернова которой приводились в движение паром. Но если угля и воды было в избытке, то зерна на первых порах не хватало. Не хватало и мяса. Поэтому колонисты приобретали у киргизов требуху. Знаменитый нижнесаксонский мясной пирог пришлось уменьшить до размера пирожка, а начинку подправить на местный лад. Получилось, однако, вкусно. С тех пор меннонитский пирожок стал популярен в широких кругах».

Не прошло и дня, как Юрин-Орловский обрушился на Васинченко с обвинениями во лжи:

«Нет, любезный херр Васинченко! Не выйдет!..»

Далее последовали оскорбления и обвинения в скрытой работе на врагов Отечества. Начинали с личностей, а заканчивали

национальностями и вероисповеданиями. И закончилось бы все уголовным делом, а то и международным скандалом, но никто не обратил внимания на почтенных гастрономов, и спор сошел на нет сам собой.

Итак, орский пирожок. Тесто на вкус — как жареное тесто, похожее больше на тесто беляша, нежели чебурека. Тесто, я бы сказал, супердрожжевое — настолько оно «воздушное». Округлый вид пирожка подтверждает его второе наименование — ливерпульчик. Вкус кисловатый, но приятный. А аромат... «запах столовой». Да, такой, как там, где жарят, не переставая и не меняя масло. Начинка богата: все отборные потроха восточного Оренбуржья в одном месте. Помимо печени есть легкое. Это по вкусу. А что по аромату? Надкусил пирожок, и нотки требухи пощекотали нюх. Но лука тоже в достатке — зыбкая гармония установлена. Оставляю маленькое предположение: в совсем мизерном количестве в начинку добавлено сердце и мозги.

Пирожок мне понравился (на четверочку), но ничего особенного орско-оренбургского я в нем не нашел. Возможно, это огрехи местных дистрибьюторов или как их там... Доедая пирожок, я думал больше о напитке, которым следует его запить.

Оренбургский чайный гриб

Культурная среда дореволюционной России подарила миру Ленина. На излете СССР Сергей Курёхин убеждал телезрителей, что «Ленин — гриб». Питательная среда внутри трехлитровой банки способствует росту тела гриба по имени комбуча. И вновь мы видим, как природа и культура повторяются друг в друге.

На улице стоял привычный оренбургский зной. Сухой и горячий ветерок дул в мокрое от пота лицо. Жидкость покидала организм. В тот день я ходил по частному сектору в центре города, варился в самом ядре родной поселковой агломерации. Старые дома чередовались с коммунальными бараками, разбитые улицы ввели в промзону. Чем дальше я уходил от центра, тем меньше видел колонок, водой из которых можно было и напиться, и умыться. Но о той воде будет сказано ниже. А пока я расспрашивал старуху о качестве ее жизни и чертил в голове социальную топографию этих чудесных мест.

— Нет ли чего попить, бабушка?

Она вынесла стакан и трехлитровую банку с загадкой.

Самый интригующий квас в моей жизни оказался настоем гриба. Первый стакан я выпил мгновенно. Жажда осталась, но к ней прибавилась уйма впечатлений, которые можно свести к трем словам: ядрено, кисло, живо.

— Он живо-о-о-ой, — протянула старуха второй стакан, который я выпил не торопясь.

Старушка щедрой рукой наливала третий стакан, оставляя симбиотическому организму ровно столько, сколько тому надо для жизни. А моему организму было достаточно. Напиток легкий и освежающий. Но! Один организм, два организма, миллионы микроорганизмов. И был вечер живой. Живой в животе живого, проживавшего живого в живом.

В России с ее квасными и грибными традициями не задается промышленное производство. Максимум — хлебный квас из бочки, минимум — засушенные опята. А ведь во многих странах означенный напиток масштабно производят и широко потребляют. Тело чайного гриба может достигать массы в центнер. И в этом нет ничего хорошего. Счастливая жизнь — тихая жизнь. Такая, как в трехлитровой банке на подоконнике старого бабушкиного дома.

На следующее утро я прочитал в новостях, что администрация американской тюрьмы изъяла из камеры Виктора Бута банку с чайным грибом, который он выращивал долгие месяцы. Я не отличаюсь обостренным чувством справедливости, но тогда я вознегодовал.

Лилипуты в стране Гулливера

Дорогу в ТРЦ «Великан» нам с Женьком проложило юное создание, всучившее приглашение в новый ресторан. Ресторан быстрого обслуживания «Едим дома» (питание по времени на усмотрение посетителя — шик) открывалось акцией:

Две ГРАНД-Каши по цене одной <...> 30% щей в подарок.

«Великан» разлегался между промзоной и спальником. Да, разлегался, так как этот ТРЦ был живее того гриба. Будучи торгово-развлекательным центром, он успевал быть музеем, аттракционом и просто самодостаточным организмом. У него была своя голова, в которой сидела администрация, свои кровеносные сосуды — лестницы и эскалаторы, дыхательная система — кондиционеры и вентиляционные трубы и, конечно, жедудок — фудкорт. Так называлось обширное место посередине, где было наставлено множество пластиковых столиков. По сторонам толпились очереди в разные лавки. Всего хватало в тех лавках: гамбургеры, кола, пицца, пиво, блины, медовуха, каша, сбитень, салат, люля-кебаб... В центре в свободном от столиков месте обустроили детскую площадку.

Мы с Женьком взяли щей и каши, но вокруг нас все пили пиво. И тут мы провалились в наш 2007-й. В то время, будучи студентами, мы пили пиво и прочие напитки во дворах жилых многоэтажек, мы делали это на детских площадках, наблюдая за тем, как дети играют в песочнице и вертятся на карусели. Прошли годы, и наши сверстники завели собственных детей, но не оставили привычек. Правительство в лице крупных бизнесменов построило для них ТРЦ. Парни с девчонками также сидели и пили пиво, пока их чада возились на детской площадке. Некоторые упорно продолжали заниматься тем же самым у себя во дворах, но охрана не дремала и перенаправляла поток алчущих в такие места, как наш «Великан».

Щи были отменными, в них было ровно столько воды, чтобы напиться верблюду с герба Челябинска, а кашу маслом не испортишь, потому на подносе было два пакетика с растительным маслом. А мы пошли по галереям. Я уже написал, что наш организм — еще и музей. Но перед музеем, каким-нибудь Эрмитажем, у «Великана» есть масса преимуществ. Например, в питерском музее нельзя купить экспонаты, а здесь можно; нельзя поесть, попить и посмотреть кино, не отрываясь от просмотра экспонатов-товаров; можно быть

в курсе актуальных тенденций и трендов, а не всякого старья! Да, щи были отменными.

— Женек! Женья! Отмена! Где тут, мля, сортир?

Гастрономия — это наука, устанавливающая связь между приемом пищи и культурой. Прием пищи — явление уникальное, имеющее отношение к определенному желудку в определенное время и... место. Культура становится массовой, а массы желают потреблять, то есть иметь один желудок на всех. Возникают некоторые проблемы. Кризис роста великана.

Сакмарский шашлычок из курочки

Приглашение Никиты было кстати. Вырваться на простор, утонуть в сельской пасторали, опьянеть от звенящей тишины примитивного быта. Именно так рассуждают городские идиоты, выезжающие на село. Меня ждала старинная скромница Сакмара.

В селе мясо можно приобрести только в магазине. Обычная ситуация для русской деревни. Магазин «Пол-ушка» находился в самом центре Сакмары. Свежего охлажденного мяса мы не нашли, а потому взяли замороженное. Ледяной кирпич обещал полтора кило свинины. «Мясо древнее, как дерьмо мамонта. Из вечной мерзлоты с любовью».

Мы шли во двор старинного барака. Образ двухэтажного отсыревшего строения сливался одновременно и с небом, и с землей. Я глубоко вдохнул местного воздуха, в глазах потемнело. «Еще чуть-чуть, и можно будет копать червей. Огромные жирные черви повсюду, только копни».

На столе уже готов был тазик с горячей водой. Туда бросили наш мясной кирпич. По мере того, как оттаивало мясо, я вспоминал анекдот из «Архипелага ГУЛАГа». Солженицын пересказывал увлекательную историю о зеках, нашедших во льдах Колымы трилобитов, что существовали раньше мамонтов. Мясо этих трилобитов сохранилось в лучшем виде. Зеки съели ископаемых животных, чем немало повредили отечественной палеонтологии. Зато наелись. Подлинность этой истории многие подвергали сомнению. Я же внезапно со всей силой воображения принял ее за правду. Почему? Перед нами лежал пакет: «Свинина», «Брикет», «Останки-но», а внутри пакета находилась растаявшая курочка. Весь ее вид говорил, что возможно все, а окружающая обстановка подсказывала более того: возможно даже невозможное. «Съедим. Да, конечно, съедим. Гриль замутим на улице. Прямо на мангале. Майонезик надо взять. "Ряба"».

Получившееся филе мы замочили в нехитром маринаде в том же тазике. На улице все еще рано смеркалось, как назло, не хотел разгораться огонь. Не прошло двух часов, как густой дым и гулкое потрескивание дров обернулись ровным мерцанием тлеющих угольков. Курочка переместилась из тазика в решетку с зажимом. Вскоре вечернюю тишину нарушило шипение, и вокруг запахло едой. Словно по сигналу из вышней темноты крупными плевками повалил дождь. Мы стояли и наблюдали, как гаснут угольки. «Дожарим мяско на кухне в сковороде».

Вкус получившегося шашлыка можно охарактеризовать одним словом — запоминающийся. Именно так. «Прошлое нам еще предстоит».

Водка «Бузулукская слезинка»

Ватная расслабленность больного человека.
Владимир Тендряков

Бузулук был на слуху. Дело касалось Бузулукского бора и опасности климатического сдвига. А может, и до сих пор касается. Читатель, погугли сам. Может, и бора уже нет, может, и нефть закончилась. Чего толкать в ступе? К чему я про это вообще? А! Водка называлась: «Бузулукская слезинка».

Холодной летней ночью в парке с фонтаном на лавке одинокой обнимать свои ноги и плакать.

Вода «Тевкелев Брод» из Новосергиевки

Лучшая еда — это вода.
Нарог

С именем Кутлу-Мухаммеда Мамешеви́ча Тевкелева связано многое. Башкирские историки считают его военным преступником из-за деятельного участия того в жестоком подавлении башкирского восстания 1735 — 1740 годов, но этот сюжет совсем для другого произведения. Нам же имя Кутлу-Мухаммеда, которого близорукая Полина упорно называет Ктулху-Мухаммедом, интересно еще и потому, что еще до основания Оренбурга он породил оренбургскую готику, направление в искусстве настолько редкое, что даже я — один из его ярчайших представителей — не могу назвать самого яркого произведения, известного хотя бы двум людям.

И сейчас в Новосергиевском районе можно найти одно из старейших архитектурных сооружений области — каменный мост. Сама Новосергиевка стоит на месте замка, спроектированного английским каменщиком и тайным лордом черных эльфов Джоном Эльтоном. Замок или то, что называют пуганые краеведы «Новосергиевская крепость», носил имя Тевкелев Брод по имени своего владельца, упомянутого выше мирзы (барона) Тевкелева.

Единственное изображение замка сохранилось на этикетке минеральной воды «Тевкелев Брод», производимой в Новосергиевке и продаваемой в Оренбурге. С этикетки на нас смотрит типичный рыцарский замок позднего Возрождения, построенный в башкирской степи не столько для военных, фортификационных целей, сколько для морального угнетения кочевников. И сейчас уже оседлые местные жители, бывает, вспоминают о «башне с джиннами». Я сам слышал эти страшные истории не раз.

Что касается воды, то ее вкусовые качества напоминают «Живую воду», эпично воспетую десять лет назад оренбургскими писателями Вячеславом Моисеевым и Сергеем Хомутовым. Но! О

лесостепных водопроводах можно говорить бесконечно. Как и о чудесных колонках, вода в которых стала бить несравненно сильнее с закрытием ликероводочного завода. Главное в оренбургских водах — это цена. В наше время, когда платить приходится даже за живительную влагу, меньше всего приходится платить за продукцию местного производителя. Платим единожды, а пьем многожды. И целый день в бутыль с замком на этикетке будет наливаться из колонки оренбургская вода.

Тухлые сюжеты

Заканчивая свое произведение, не могу не написать о некоторых нюансах. А именно о том, что правда и вымысел в вышеизложенных байках, рассказах и очерках намешана в той же пропорции, что и в жизни самого обычного человека. Истина здесь всегда касается живота, но когда дело доходит до лжи — в дело вступает разум.

Пережаренная проза

Любят у нас повторять: «Ты есть то, что ты ешь». Эту хорошо переваренную мысль можно переложить: «Ты пишешь то, что ты читаешь». Если так, то тексты Тендрякова, Рабле, Трифонова, Борхеса, Довлатова, Павича, Сервантеса, Адамса, Сенцова и, конечно, Рыбкина, которые я читал в период написания путеводителя, были смешаны и обжарены. Да, на мощном огне моих литературных амбиций и в постном масле моих писательских навыков.

Сладкое вдохновение

Читатель, гастрономия и литература — сестры. Вспомни об этом, когда будешь есть, и подумай о пище духовной.